

Фронтальная юность Кутыина Ивана Яковлевича не богата событиями: десяток оставленных при отступлении городов и оборона до победного Мая, одного-единственного.

Иван Яковлевич надел шинель осенью 1939 года. На Карельском перешейке его погодки воевали с Финляндией, а здесь — в дивизионной школе 17-го отдельного воздухоплавательного дивизиона, что под Минском — шла плановая боевая учёба. Красноармеец Кутыин влезал в ивовую корзину, моторист запускал лебёдку, привод стравливал трос, и 20-метровая серебристая «баклажанина» аэростата диаметром в 5 метров и весом 200 кг уносила курсанта к облакам.

Бинокль, планшетка, тетрадь для пометок, карта местности, осматриваемой с двухкилометровой выси, парашют за спиной, плюс два часа болтанки в воздушных потоках — так обучали воинским специальностям воздушных разведчиков и корректировщиков артиллерийского огня.

Аэростат артиллерийского наблюдения состоит из двухслойной прорезиненной материи с алюминиевым покрытием, наполняемым водородом, такелажа и упоминаемой уже ивовой корзины для двух наблюдателей. Поднимался и опускался аэростат на тросе с помощью лебёдки, установленной на автомобиле ГАЗ.

«...Я в тот день был дежурным по штабу, а наш воздухоплавательный дивизион в поле на занятиях, — вспоминает о первых днях войны И.Я. Кутьин. — На весь гарнизон оставался один-единственный офицер, дежурный по караулу. Этот лейтенант мне и сообщил, что уже несколько часов идёт война. И откуда он только узнал про это — ведь связь не работала? А вдруг это провокация? Что делать? Как быть? Командир нашей воздухоплавательной школы в Москве, в командировке. Наша часть подчинялась только Москве, а она молчит. И лейтенант приказывает: сержант Кутьин, грузите личный состав и имущество дивизиона на машины и — на боевые позиции. Дивизион — это 100 курсантов, 10 машин, 10 оболочек аэростатов и 100 баллонов — 4 тысячи литров с водородом. Выдвинулись на предполагаемые позиции. Наполнили аэростаты водородом. Ждём. Сзади нас в нескольких десятках километров Минск... На третью ночь нас обстреляли. Появились первые раненые. Связи как не было, так и нет. Людей кормить нечем. Хаос, неразбериха. Мимо нас бегут клочки орущих, разрозненных воинских частей, за ними — перепуганные, галдящие потоки беженцев.

Наконец, лейтенант дознаётся, что Минск горит, а немцы захватывают наши отступающие дивизии в кольцо. По приказу лейтенанта сжигаем имущество дивизиона, баллоны с водородом бросаем от страха, — ведь никто не знал, что будет при взрыве 4 тысяч литров водорода, — а на машинах решаем прорываться к своим...»

Воздухоплавателям удалось выскользнуть из вражеского кольца, прежде чем оно замкнулось. Одиннадцать же дивизий от-

Иван Яковлевич
Кутьин

ступающего Западного фронта оказались в окружении. Это случилось на 7-й день войны. Впоследствии незначительная часть войск с боями вырвалась из вражеского кольца, другая — ушла в партизаны, многие же бойцы и командиры погибли или попали в плен.

«...По просёлочным дорогам пробирались мы к Могилёву, — продолжает И.Я. Кутьин. — В одном месте переходили ручей, а в нём вода красная течёт. Нам обязательно надо было своих найти — ведь мы у нашего московского начальства не иначе как дезертирами считались... В Могилёве нас двое суток проверяли — не диверсанты ли немецкие? Потом — на формировочный пункт. Здесь же и наш полковник — командир школы — объявился. Из Москвы приказ привёз — к Смоленску идти. В Смоленске — новый приказ — грузиться в эшелон, и в Москву».

На войне, при наличии на всех, — от генерала до рядового, — единой цели, у каждого своя боевая задача, своя боевая позиция. У пехоты — своя; у техников — своя; у санитаров — своя.

17-му отдельному воздухоплавательному дивизиону приказали стать под Кунцевом. Не для корректировки огня и воздушной разведки. Для выполнения иной боевой задачи — наглухо закрыть данный участок неба для немецких самолётов.

В воздухоплавательный дивизион входило от 50 до 80 постов. Пост аэростата — команда 10–12 человек, которые готовили площадку, разворачивали оболочки аэростатов, заполняли их водородом из баллонов, устанавливали в откопанный котлован лебёдки, оборудовали земляное убежище для бойцов, обеспечивали текущий ремонт аппаратов, маскировку, связь. Доставлялся водород на боевые позиции по воздуху в цилиндрических прорезиненных ёмкостях. Поднимали аэростаты ночью, когда немецкие лётчики не могли их обнаружить.

Воздухоплавательный дивизион мог прикрыть 75 кв. км неба.

Аэростаты заграждения были трёх типов: «триплет» — три аэростата сцепляли «один над другим»; «тандем» — два сцепленных аэростата «один над другим» и одиночные аэростаты. Все эти системы аэростатов расставлялись — в зависимости от ситуации — несколькими способами: «полевая защита», «кольцевая защита», «шахматный ряд», «защитный ряд».

А ситуация была следующей — как наглухо закрыть московское небо при 4-кратном превосходстве вражеской авиации?

И тогда небо стали минировать. Минами оснащались в основном одиночные аэростаты. За их боеспособность и отвечал сержант Кутьин.

Сорокапятимиллиметровые пушечные снаряды привязывали к аэростатам, запускаемым затем на высоту до 5 км. Их поднимали ночью, когда немецкие лётчики не могли их обнаружить. Не одному десятку немецких бомбардировщиков принесли смерть начинённые таким образом аэростатные «батоны».

«Закрывали» небо и с помощью специальных сетей, которые поднимали на аэростатах по сигналу воздушной тревоги.

...За период с 22 июля по 15 августа 1941 года фашистская авиация совершила 17 ночных воздушных налётов на Москву. В них участвовало до 2400 самолётов (в среднем по 150 в каждом налёте). Из этого количества к столице прорвались только 50 бомбардировщиков — менее 2 %.

С 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к городу районах объявляется осадное положение. К этому моменту небо столицы охраняло 3 дивизии аэростатчиков.

«...Нас перевели на паёк жителей блокадного Ленинграда, — рассказывает далее И.Я. Кутыин. — Дополнительным питанием нам служила мороженая, сочащаяся слизью, картошка, которую мы приправляли английским жиром — лярдом».

...7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве состоялся традиционный военный парад в честь 24-й годовщины Великого Октября. Прямо с парада войска уходили на фронт. В этот день гитлеровская авиация пыталась нанести по Москве бомбовый удар... Ни одна бомба не упала на город!

К концу первого года войны в московском небе произошло 120 столкновений вражеских самолётов с тросами (на фоне неба и земли стальные нити 5-миллиметровой толщины были почти незаметны, самолёт получал значительные повреждения, а аэростат при этом лишь слегка покачивало), 35 самолётов были разрушены подвешенными минами в воздухе. При этом сам «воздуш-

Аэростаты воздушного заграждения над Москвой.
Осень 1941 г.

ный тьюфяк», как называли аэростат, сбить было не просто. Газ из него выходил медленно.

С апреля 1942 года немецкая авиация вынуждена была полностью прекратить налёты на Москву.

8 июля 1942 года на подступах к Москве был обнаружен самолёт-разведчик противника Ю-86-Р1 новой модификации. На высоте 15 км он дошёл до Москвы, пролетел несколько раз над городом и удалился на запад. На следующий день, когда самолёт-разведчик прилетел снова, на его перехват вышла пара специально подготовленных высотных истребителей МИГ-3. Одному из лётчиков удалось дать очередь по немецкому самолёту-разведчику. Он немедленно развернулся и покинул пределы воздушного пространства Москвы.

Это был последний неприятельский самолёт, побывавший в небе нашей столицы.

«...В начале весны 1944 года с ликвидацией блокады Ленинграда война для нас, аэростатчиков Московской зоны противовоздушной обороны, закончилась: с нас сняли льготные начисления лет — год войны приравнивали к трём годам службы, — но выполнение задачи по охране неба столицы продолжалось. До 9 мая 1945 года мы охраняли небо над Останкином, Рублёвским шоссе, Сокольниками...»

На войне у каждого была своя задача. Под Москвой за годы войны на долю аэростатчиков приходится 150 уничтоженных самолётов противника.

После войны И.Я. Кутыгина направили в Казань — в подсобное хозяйство, где он с личным составом заготавливал для гарнизона овощи, квасил капусту.

«...Воровало начальство страшно. Несли всё: еду, обувь, обмундирование, спальные принадлежности. Вот почему я ушёл из армии после 7 лет службы, — объясняет свою демобилизацию в 1946 году Иван Яковлевич. — За всё же я отвечал, и меня могли посадить. Демобилизовался, чтобы в тюрьме не сидеть. Приехал жить в Токсово, потому что мои сёстры жили рядом — в Энколове...»